

Спиной к лампаде, наедине с луной

Солнце уже клонилось к зениту, когда Чжу Ли почувствовал, как пустеет в желудке. До города было ещё скакать и скакать. К счастью, у обочины показался ветхий, покосившийся чайный навес. Направив туда коня, юноша выбрал место в тени густых ветвей, заказал чашу простого чая и принялся уминать дорожные припасы, надеясь хоть немного восстановить силы.

Палящее солнце нещадно опалило лицо: кожа шелушилась и сходила лоскутами, губы растрескались до крови, а от вечной тревоги во рту высыпали болезненные волдыри. Дорожные лепёшки зачерствели, превратившись в камень. Каждый укус бередил раны, отзываясь столь резкой, пронизывающей болью, что перед глазами то и дело вспыхивали искры. Но он терпел, лишь стискивал зубы, отчего на переносице залегла глубокая складка.

Чжу Ли не чета изнеженному Лю Чуйсюю. Он повидал мир, знал, каков на вкус дорожный прах, и не раз получал ранения. Но прежде это были славные схватки, полные удали и благородной мести, когда даже от пролитой крови захватывало дух. Теперь же всё выходило как-то бесславно, уныло и на редкость унижительно.

В груди kloкотала глухая злоба. Чжу Ли поклялся себе: едва он настигнет этого проныру У Сана, первым делом избьёт его до полусмерти. Скрутит, заставит взмолиться о пощаде, выбьёт из него всю спесь — только тогда на душе наконец полегчает.

Распалая себя этими мыслями, он кое-как сжевал половину сухой лепёшки и снова вскочил в седло. Он скакал без удержки ещё полдня, но об У Сане не было ни слуху ни духу.

Было неясно, вырвался ли У Сан вперёд или, путая следы, отстал и теперь плетётся где-то позади. Он не знал, стоит ли гнать коней дальше или лучше притаиться и выждать. Он окончательно растерялся.

Он уныло остановился у края дороги. Солнце клонилось к закату, и в сгущающихся сумерках только три коня Чжу Ли отбрасывали длинные, уродливые тени. Тоскливое одиночество закралось в душу, сдавило грудь. Юноша невольно ослабил поводья, позволяя лошадям идти шагом, куда им вздумается.

Ночлег застал его в глухомани. Ни впереди, ни позади — ни деревни, ни постоянного двора, так что пришлось ютиться в диком поле, выбрав укромную ложбину среди холмов.

К полуночи в небесах разгорелась бледная луна. Его тело ломило от усталости, но уснуть он не мог. Бездумно уставившись в пустоту, он вновь и вновь прокручивал в голове трагедию семьи Ян и тайну Книги Непостижимой Высоты. Кусочки головоломки складывались воедино, и от этой ясности в груди поднималась такая глухая ярость, что сон окончательно отступил.

Да, пока это оставалось лишь догадкой, но чутьё упрямо твердило: он зрит в самый корень. Так всё и было на самом деле, сомневаться не приходилось.

Ночь дышала холодом, пробирающим до костей. Он уже собирался вытащить из сумы сменное платье, чтобы укутаться поплотнее, как вдруг он уловил глухой, едва различимый стук копыт. Сюда двигался отряд, и двигался быстро.

Юноша подобрался. Ночные всадники редко оказываются мирными пахарями. В голове промелькнула шальная мысль: а что, если это прихвостни Трёх Чудовищ Западного озера? Если увязаться за ними, они сами приведут его к У Сану. Он бесшумно вскочил на ноги и нырнул в глухую тень придорожных зарослей, напрягая слух и зрение.

Стук копыт нарастал, сотрясая землю. В неверном лунном свете показались всадники. На них было привычное платье Срединной равнины, однако мощные плечи и богатырское сложение выдавали в них чужаков. Кони летели стрелой, вздымая клубы пыли, и в тусклом мареве разглядеть их лица было невозможно.

"Не из Трёх Чудовищ они", — сразу понял Чжу Ли.

Но кто тогда мчится сквозь ночь во весь опор? Разобраться он не успел: один из проскакавших мимо всадников бросил короткую, отрывистую фразу. Он так и застыл. Этот гортанный, лающий говор... Неужто люди Ху?

Языка хусцев он не знал, их целей — тем более, но вооружённая свора, рыщущая во тьме, меньше всего походила на мирное купечество. Острое предчувствие заставило его осторожно двинуться следом, держась на безопасном расстоянии.

Хусцы сворачивали всё глубже в лесные дебри. Он крался за ними тенью. Обогнув каменистый выступ горы, всадники скрылись в глубокой лощине. Сюда, на подветренную сторону склона, лунный свет не проникал вовсе — впереди чернел провал крошечной тьмы.

Идти напролом в эту черноту было безумием. Выждав, пока стихнет цокот копыт, он решил, что чужаки ушли далеко вперёд, и уже приготовился возобновить погоню. Внезапно из темноты донёсся яростный гомон — гортанные выкрики и брань. К несчастью, хусцы орали на своём языке, так что разобрать ничего не удалось.

Мгновением позже ночной воздух прорезал звон сталкивающихся клинков. Похоже, завязался бой.

Не зная расстановки сил, он не спешил лезть в пекло. Он бесшумно вскарабкался по склону и стал пробираться верхом, огибая лощину по круче. Сверху открылся вид на побоище. Несколько теней сплелись в смертельной круговерти. В непроглядной темени лишь изогнутые хусские сабли да прямые мечи, сталкиваясь, высекали бледные искры, на мгновение прерывавшие мрак.

Первым порывом было не вмешиваться: чужие распри — не его забота. Но внизу группа хусцев остервенело травила одного-единственного воина. Раз дело происходило на земле империи, защищался наверняка его соотечественник. Вздыхнув, юноша скользнул на несколько чжанов вниз по склону, чтобы в случае надобности успеть прийти на выручку.

Но темень стояла непроглядная — даже у подножия ничего нельзя было разобрать.

Он уже начал терять терпение, как вдруг один из людей Ху гортанно выкрикнул длинную фразу. Окружённый воин то ли не понял слов, то ли просто не пожелал отвечать — звон стали лишь участился, а клинки заходили с ещё большим ожесточением.

Люди Ху орали наперебой, обмениваясь яростными выкриками прямо на лету. Этот дикий, визгливый гомон заполнял ущелье.

Внезапно один из нападавших истошно взвизгнул, и натиск на миг ослаб. В наступившей тишине прозвучал ледяной, размеренный голос.

По его коже пробежал мороз. Этот голос... У Сан! Но говорил он на чистом хуском!

Как этот проныра успел разгневать хусцев? И откуда у него знание их языка? Неужели наёмных убийц обучают и варварскому наречию?

Впрочем, размышлять было недосуг. Тот, кого он безуспешно разыскивал столько дней, сам шёл в руки. Если он хочет докопаться до правды о гибели семьи Ян и привезти ответ главе Лю Чэну, он обязан забрать У Сана живым. А люди Ху, как и прихвостни Трёх Чудовищ Западного озера, могут катиться к чертям собачьим!

Да и должок в виде обещанной трёпки списать всё равно хотелось.

Сжав рукоять, он хищной птицей скользнул вниз по склону. Меч Легкого Звона со свистом покинул ножны, и юноша ураганом врубился в строй дерущихся.

Сражающиеся опешили: никто не ждал подмоги в столь заброшенном месте. Пользуясь секундным замешательством, он нанёс три молниеносных удара, обезоружив ближайшего врага — сабля хусца со звоном улетела в кусты.

Хусец разразился яростными проклятиями, но он пропустил этот лай мимо ушей. Его клинок мелькал с быстротой молнии, метя исключительно по саблям нападавших.

Столкнувшись с таким яростным отпором, хусцы рассвирепели. Забыв про прежнюю цель, они скопом навалились на дерзкого юношу.

Его меч Легкого Звона двигался с неуловимой лёгкостью. Он разил быстро и беспощадно. Словно перелётная птица в облаках, юноша уклонялся от ударов, кружась в безумном танце. Люди Ху не успевали следить за его движениями: сабли лишь вскользь рассекали воздух у самых его рукавов. Сам же Чжу Ли не тратил сил впустую — едва заметным движением кисти он обезоружил ещё двоих степняков.

Хусцы взвыли от ярости. Кольцо вокруг него сузилось, к схватке присоединились новые бойцы. Сабли свистели со всех сторон, соткав вокруг него смертоносную паутину. Ловко уворачиваться больше не получалось. Он стиснул зубы, собирая все силы, но варвары уже приноровились к его манере боя. Их удары стали тяжелее, злее, и вскоре юноше пришлось отступить на несколько шагов.

"А эти хусцы на удивление хороши, — мелькнула тревожная мысль. — Слава богам, я подоспел вовремя, иначе У Сану одному точно пришёл бы конец".

Стоило ему на мгновение отвлечься, как плечо обожгло резкой болью — изогнутое лезвие распороло рукав и задело плоть.

Жалеть себя было некогда. Он низко присел и круговым взмахом меча очертил вокруг себя сверкающую границу, заставив противников отпрянуть. Натиск на мгновение ослаб, но в груди всё сжалось от дурного предчувствия — пока хусцы напирали на него, У Сан бесследно исчез.

Снова сбежал, паршивец!

Он так и задохнулся от возмущения, но рассудок не потерял. Ему не за что было проливать кровь в драке с хусцами, да и в одиночку против толпы долго не продержишься. Он сделал шаг назад, пытаясь дать понять, что не желает драться, но хусцы уже почуяли вкус крови. Плевать им было на его слова — яростно оскалившись, они плотной стеной двинулись на него, сверкая саблями.

Юноша не ожидал от них такой тупой свирепости. Клинки мелькали слишком быстро, он пропустил ещё несколько скользящих ударов, но тело уже онемело от усталости, заглушая боль. Бой потерял всякий смысл, оставалось лишь спасти собственную шкуру, да только хусцы наседали так плотно, что вырваться не получалось.

В самый отчаянный миг откуда-то сзади донёсся резкий лязг — сталь дважды ударила о сталь. Чей-то зычный, хриплый голос выкрикнул короткую фразу, и хусцы, точно повинуясь божественному велению, разом опустили оружие.

Колени подогнулись. Опершись на воткнутый в землю меч, он тяжело дышал, пытаясь удержаться на ногах. Тот, кто отдал приказ — по всей видимости, их вожак, — гортанно выругался. Люди Ху покорно склонили головы, коротко рявкнули в ответ и бросились врассыпную, скрываясь в лесной чаще. Очевидно, отправились ловить беглеца.

Сомнений не оставалось: этот великан и был их вождем.

Предводитель хусцев постоял, разглядывая юношу, а затем медленно двинулся к нему. Преодолевая слабость, юноша крепче сжал рукоять и гордо расправил плечи, не желая выказывать страх. Великан остановился в паре шагов и, оскалив жёлтые зубы, хрипло выдавил на ломаном китайском:

— У Сан... Сообщник?

Он покачал головой. Не зная, насколько хорошо этот хусец понимает имперскую речь, он ответил как можно проще:

— Я тоже ищу его.

Вождь прищурился, пытаясь прочесть ответ на его лице.

Юноша ответил ему прямым, открытым взглядом. От усталости он не мог даже изобразить угрозу, а потому лишь привычно, чуть заметно улыбнулся. В неверном лунном свете его лицо казалось мягким и беззащитным — трудно было поверить, что всего мгновение назад этот юноша разил врагов без промаха.

Вскоре из чащи один за другим стали возвращаться воины. По их понурым головам стало ясно — след утерян. Вожак ещё раз окинул его внимательным взглядом. Не найдя в его глазах ни капли лжи, он резко взмахнул рукой и увёл своих людей прочь.

Сделав несколько шагов, предводитель обернулся, одобрительно поднял большой палец и хмыкнул:

— Меч... Хорош!

Он слегка склонил голову, прижав кулак к ладони:

— Премного благодарен.

Было неясно, поверил ли хусец его словам или просто сделал вид, решив выследить У Сана через него позже. Одно он знал твёрдо: если он сейчас же не тронется с места, то без сил повалится на сырую землю и уснёт мертвым сном.

Ради безопасности следовало немедленно убираться отсюда.

Долгая дорога и без того выжала из него все соки, а теперь ещё и раны кровоточили. Даже если У Сан изранен не меньше, он сейчас попросту не скрутит его. А если и скрутит, то лишь облегчит задачу хусцам, которые рыщут неподалёку.

Лишь когда он обогнул гору и вышел на залитый лунным светом склон, он смог разглядеть, в какую кучу отрепьев превратился. Дорожное платье изорвано в клочья, повсюду темнели липкие пятна крови. Порезы на плече, спине и ногах выглядели пугающе, но, что странно, боли почти не было — лишь невыносимый, леденящий холод сковывал всё тело.

Преодолевая слабость, он добрался до своего временного пристанища. Три коня послушно стояли на месте. Он вытащил из дорожного мешка целебную мазь и чистые бинты, но его так колотило от холода, что он побоялся даже раздеться. Привалившись спиной к стволу одинокого дерева на вершине холма, он просто набросил на себя ворох тёплого платья, пытаясь хоть немного согреться.

Навалилась свинцовая усталость. Он не успел даже толком разозиться на малодушный побег У Сана, который бросил своего спасителя на растерзание врагам, и мгновенно провалился в глубокий, тяжёлый сон.

У Сан на самом деле никуда не уходил. Спутав следы и пустив погоню по ложному пути, он вернулся назад и затаился в той же лесной чаще. За годы бегов он усвоил железное правило: на открытом пространстве хусцы настигнут в два счёта, а вот в густом подлеске можно переждать бурю.

Натиск хусцев был страшен, но внезапное появление юноши спутало им все карты. Благодаря этой передышке У Сан вырвался из кольца одним из первых, отделавшись парой лёгких царапин. Для него такие раны были сущим пустяком — он быстро перевязал их и даже успел посмотреть половину боя, любясь семейным мастерством семьи Чжу.

Меч в его руках двигался отменно, вот только сам юноша был слишком молод и неопытен — силе его ударов не хватало мощи. К тому же при всей гибкости и изяществе движений ногами он заметно запаздывал.

"Владей я этим стилем, ни одна сабля меня бы и не поцарапала", — мысленно усмехнулся убийца.

К счастью, хусцы не стали добивать чужака. У Сан сквозь ветви деревьев видел, как тяжело юноша возвращался назад, пошатываясь от усталости и боли.

К этому времени хусцы, увлечённые ложным следом, умчались далеко вперёд. Лес погрузился в глухую, прохладную темень. Кругом царила благодатная тишина — самое время для сна.

Настоящий убийца должен уметь засыпать по щелчку пальцев в любой канаве, но при этом пробуждаться от падения сухого листа.

Но в этот раз в лесу сделалось слишком тихо. Стрекот цикад казался оглушительным, точно раскаты грома в летнюю грозу. У Сан лежал неподвижно. Он не считал минуты, но, взглянув на клонящуюся к горизонту луну, понял, что прошёл уже добрый час, а сон к нему так и не шёл.

Тяжело вздохнув, он сел на ветке, немного покачался из стороны в сторону, бездумно глядя перед собой, а затем решительно прыгнул на землю, покидая своё идеальное убежище.

Многолетний опыт подсказывал, что раны юноши пустяковые. И всё же шаги, которыми он уходил с поля боя, были слишком тяжёлыми, неровными и волочащимися.

Лунный диск уже клонился к вершинам гор, но каменистая дорога по ту сторону склона всё ещё была залита бледным сиянием.

Выследить его оказалось проще простого. Тот шёл медленно, оставляя за собой чёткий, влажно поблескивающий след из тёмных капель крови на дорожной пыли.

<http://bllate.org/book/20387/2132686>